

И в новой очерковой миниатюре мы находим тот же социально обостренный взгляд художника, столь же богатую эмоционально-экспрессивную гамму — от саркастического презрения к «фланирующей» паразитической верхушке до глубокого уважения к трудовой и энергичной нации с ее демократическими традициями. А вместе с тем неизвестное нам прежде произведение Герцена дополняет этот абрис национального характера новыми оттенками, ибо здесь создан обобщенный портрет представителя свободной и пытливой передовой мысли Англии.

Кстати, какие тонкие и многообразные языковые нюансы — при общем лаконизме письма — находит публицист для обрисовки специфических особенностей его духовного облика: решительность суждений, определенность симпатий, живой ум, упорство в исследовании истины, беспристрастие историка, пронизательность юриста! Поистине, кому, как не Герцену, свойственно такое изощренное внимание к интеллектуальной жизни человека?! Ведь именно для него ее изображение составляет самую сердцевину человеческого характера.

* * *

В суждениях о польском восстании и политике царизма, которые излагаются в интересующем нас предисловии, нетрудно обнаружить общность с известными герценовскими выступлениями в «Колоколе», отстаивающими «свободу Польши», бичующими «усмирителей, палачей, вешателей Александра II»¹⁸.

Здесь и горькая ирония над наивностью веры в «добрые намерения» царя (некогда разделявшейся и самим Герценом)¹⁹. Здесь и восхищение мужеством народа «мучеников», показавшего в борьбе за свободу образцы «восторженного самоотречения», «отваги и благородства». Можно привести множество параллелей этим строкам в публицистике Герцена. Но именно поэтому предпочтем некоторое обобщение, сделанное уже до нас. Цитируя статью Герцена «Resurrexit!»²⁰, Плеханов в лекции «Толстой и Герцен» писал: «Толстой со всем своим художественным чувством не понимал, да и не мог понять, захватывающей поэзии самоотверженной революционной борьбы. А Герцен прекрасно понимал ее, хотя и предпочитал мирный путь развития, и те слова горячего сочувствия, с которыми он обращался к польским революционерам, являются настоящими и превосходными стихотворениями в прозе»²¹.

Хотя чисто стилистические аналогии затруднены различием языков, довольно близкие соответствия устанавливаются также между проникнутой глубоким уважением характеристикой организованности действий «тайного Национального правительства, которое собирает свои налоги, выдает паспорта <...> заставляет повиноваться себе даже австрийскую Польшу, получает сведения о всех планах русских...» — и строками статьи «В вечность грядущему 1863 году»²²: «А это правительство <...> скрывающееся в звериных когтях разъяренного врага и управляющее, между его пальцами, страну» (XVII, 292).

¹⁸ Ленин В. И. Памяти Герцена. — Полное собр. соч., т. 21, с. 260.

¹⁹ Весьма знаменательно, что именно взятыми Герценом теперь в кавычки словами формулировалось известное предостережение автора «Письма из провинции» (сподвижника Чернышевского) издателю «Колокола»: «Помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей» (л. 64 от 1 марта 1860 г. — см. XIV, 541). Тем беспощаднее сам Герцен — после кровавых усмирений крестьян, студентов, поляков в 1861 г. — развенчивает ожидания и надежды, связанные с «благодушным Александром» (см. XV, 66, 83, 135, 185; XVII, 199 и др.).

²⁰ «...Что за геройство, что за несокрушимая отвага, что за неизлагаемая любовь! В виду целого войска <...> открыто поднять знамя восстания и. бросая перчатку дикому самовластию, громко сказать: „Довольно! Мы не хотим больше терпеть. Ступай вон или клой вороном наши трупы!“» — «Колокол» от 1 февраля 1863 г., XVII, 25—26.

²¹ Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1948, с. 734.

²² Датирована 10 ноября 1863 г., помещена в «Колоколе», л. 175 от 15 декабря.